

Научная статья

УДК 81'23

Политический дискурс как сфера реализации речевой агрессии в условиях информационной войны

Наталья Анатольевна Смакотина^{1,2}¹Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия²Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В современном мире, кроме непосредственных вооруженных столкновений, широкое распространение получают прокси-войны, гибридные и информационные войны, целью которых становится управление сознанием людей путем искажения информации и навязывания субъективных или ложных суждений с помощью средств массовой информации и интернет-пространства. Вербальные технологии считаются наиболее эффективными средствами психологического воздействия. В текстах политического дискурса зачастую реализуется речевая агрессия как основной инструмент информационного империализма. Речевая агрессия в речах политиков выступает в качестве эффективного позиционирования концептуального содержания «свой – чужой», которое не декларируется явно, а только подразумевается, но влияет на мнения и поведение аудитории.

Ключевые слова: политический дискурс, информационная война, вербальные технологии, речевая агрессия, манипуляция.

Для цитирования: Смакотина Н. А. Политический дискурс как сфера реализации речевой агрессии в условиях информационной войны // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. 2023. Т. 17, № 1. С. 68–74.

Original article

Political discourse as a sphere of verbal aggression manifestation in the context of information war

Natalya A. Smakotina^{1,2}¹Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia²Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. In the modern world in addition to direct armed fights, there come proxy wars, hybrid and information wars. The purpose of information wars is to control the people's minds by distorting information and imposing subjective or false judgments through media and the Internet space. Verbal technologies are considered the most effective means of psychological influence. In the texts of political discourse, aggressive rhetoric is often realized as the main tool of information imperialism. Verbal aggression in the public speeches of politicians often acts as an effective positioning of the conceptual content of "the friend and the foe", which is not declared explicitly, but only implied, and affects the opinion and behavior of the audience.

Keywords: political discourse, information war, verbal technologies, verbal aggression, manipulation.

For citation: Smakotina N. A. Political discourse as a sphere of verbal aggression manifestation in the context of information war. *Topical issues of philology and methods of foreign language teaching*, 2023, Vol. 17, no. 1, pp. 68–74. (In Russ.)

Информационная война [7], развернутая коллективным Западом и США в отношении России как государства и российских граждан в целом приобретает беспрецедентные масштабы в условиях реализации Российской Федерацией СВО на Украине в 2022 г. Обострение отношений между странами носит не случайный, а объективный характер и обусловлено ходом исторического процесса [10].

Вслед за А. В. Манойло, в настоящей статье информационная война определяется как процесс противоборства человеческих общностей, направленный на достижение политических, экономических, военных или иных целей стратегического уровня путем воздействия на гражданское население, власти и (или) вооруженные силы противостоящей стороны посредством распространения специально отобранной и подготовленной информации, информационных материалов [3; 4].

Политический дискурс как «совокупность политических дискурсов (социально-дифференциальных речевых практик) социума» в условиях информационной войны становится наиболее востребованной средой информационного противоборства и противостояния; публичной риторикой, совокупностью речевых действий оценочного, оппозиционного, агрессивного характера, дестабилизирующих сложившуюся систему межгосударственных и общественных отношений, и навязывающих такое понимание действительности, которое бы оправдывало нарисованную автором этой риторики картину мира [1, с. 12].

Иными словами, политическая риторика агрессивного характера – это речевая агрессия политиков. Как лингвистическое и коммуникативное средство, реализуемое на всех уровнях языка, заслуживает особого внимания, поскольку ставит своей целью полное

подчинение мировосприятия целевой аудитории, навязывание единственно верной, по мнению авторов риторики, позиции.

Рассмотрим обозначенное на примере выступления президента США

Дж. Байдена на 77-ой Генеральной Ассамблее ООН 21 сентября 2022 г. [9]. Обращение президента Дж. Байдена к Генеральной Ассамблее ООН длилось 29 мин. Примечательно, что первые 7 мин. выступления были посвящены «изобличающим», по мнению Дж. Байдена, фактам Российской агрессии в отношении суверенитета страны и жителей Украины. Затем президент США плавно переходит к декламации исключительности США в вопросах поддержания мира во всем мире, призывам объединения в вопросах решения глобальных климатических проблем и проблем обеспечения продовольствием народонаселения всего мира, вопросам энергетического кризиса и т. п., периодически, несколько опосредованно, упоминая Россию в качестве одной из виновных сторон означенных кризисов: 14–15 мин. выступления – по экспорту зерна, 18–19 мин. выступления – по использованию энергокризиса в качестве оружия. Завершает свое выступление президент США призывом к объединению всеобщих усилий по созданию открытого, свободного и безопасного мирового сообщества, лишённого конфликтов и нарушений суверенитетов (снова опосредованное обращение к России) и уточнением миротворческой функции США в глобальных масштабах на протяжении последних 40 лет с особым акцентированием нераспространения ядерного оружия и отрицания ведения ядерной войны, в которой не будет победителя (24–25 мин. выступления).

Безусловно, часть выступления, посвященная порицанию «преступных», по мнению Дж. Байдена, действий

России, является ярким примером проявления речевой агрессии президента США, которую можно охарактеризовать и классифицировать по фоносемантическим, лексико-стилистическим, грамматическим и синтактико-стилистическим признакам.

Согласно А. Е. Наговицину, речевая агрессия проявляется на фоносемантическом уровне посредством подбора слов, избылиующих звуками “r”, “j”, “z”, “g”, “s” и “o”, поскольку эти звуки могут напоминать звуки хищников (рычание/шипение) или вызывать устойчивые ассоциации со стихийными бедствиями: гром, гроза, раскаты, которые отражаются в непроизвольной реакции ощущения страха, опасности у адресата [5].

Обращаясь к выступлению Дж. Байдена, можно отметить, что в таких примерах, как “growing crisis”, “insecurity”, “brutal (needless War)”, “erase (a sovereign state)”, “prohibition”, “(taking) the territory”, “(nuclear) threats”, “reckless disregard”, “extremely (significant violation)”, “outrageous (acts)”, “horrifying (evidence of) Russia's atrocity and war crimes”, “(bodies showing signs of) torture”, “put at risk everything”, “firm and unwavering and unresolved”, “Russia's aggression”, “distorted”, “reject”, “to conquer” [9] и т. д. постоянно повторяются звуки “r”, “j”, “g”, отчетливо прослеживается агрессивно-оценочная, «нападающая» позиция президента США. Семантика раздражения часто передается звуками “s” и “o”. Здесь можно говорить о прямой, резкой, импульсивно-эмоциональной форме эксплетивной вербальной агрессии президента Байдена посредством постановки безапелляционных вердиктов, категоричных суждений и требований [8].

Описывая позицию и отношение США к происходящему, Дж. Байден уточняет уже на второй минуте своего выступления, что никто не угрожал России: “(no one) threatened (Russia)”; США

давно говорят об агрессии России: “we warned”; постоянно работают над урегулированием конфликтов: “(we worked) to try to avert it”, “the United States and I as President”, “our world that's grounded in The Valleys of democracy”, “the United States is determined to defend and strengthen democracy at home and around the world”, “we're working with the G7 <...> countries to prove democracies can deliver <...> for the rest of the world as well” [9]. Прослеживается чередование «рычаще-дребезжащих» звуков “r”/“g” в словах *try, grounded, democracy, strengthen, rest* и более «мягких», «плавных» “f”, “v”, “m”, “n”, “l” в *avert, valleys, defend, home, prove, deliver, world, meet, stable, ideologies, commitment* и др. [9], которое может говорить о четкой позиции пропагандировать свои интересы и позиции любыми доступными способами, что является реализацией имплицитной агрессии, согласно классификации Е. И. Шейгал, выражаемой непрямыми предикациями, намеками, косвенными намерениями, осуждениями, порицаниями и обвинениями [8].

На лексико-семантическом и стилистическом уровне к вербальным маркерам агрессии в выступлении президента США Дж. Байдена можно отнести негативно-маркированные лексемы со значением разрушительных действий, лексику отрицательных эмоциональных состояний и оценок, лексемы со значением смерти, эмоционально-экспрессивные слова со значением обмана/разоблачения, стереотипизированные идеологические номинативы. Обратимся к примерам.

1. Негативно-маркированные лексемы со значением разрушительных действий: “brutal, invaded”, “nuclear threats”, “conquer”, “expand borders”, “through bloodshed”; лексика отрицательных эмоциональных состояний и оценок: “insecurity”, “reckless disregard for the responsibilities of the non-proliferation regime” [9].

Описывая действия России на Украине, Дж. Байден прибегает к прагматической стратегии перегруженности текста выступления негативной информацией, основная цель которой – произвести впечатление на целевую аудиторию, побуждая ее безоговорочно поверить и согласиться с доводами автора, его выраженным взглядом на события, а также совершить не агрессивное, но прямо или косвенно выгодное Дж. Байдену действие или выразить ответную прямую агрессию [6] по отношению к предмету выступления.

2. Лексемы со значением смерти: “mass graves uncovered”, “those bodies showing signs of torture” [9].

Безусловно, подобные высказывания не могут не вызывать отклик аудитории, поскольку взывают к экзистенциальным переживаниям, провоцируют вегетативную активность и серьезно влияют на решения и, соответственно, дальнейшие действия людей. Американский лидер, прибегая к подобным речевым действиям, манипулирует рациональным сознанием слушателей своим представлением предмета речи и поддерживает у них раздраженное или агрессивное состояние.

3. Эмоционально-экспрессивные слова-маркеры со значением обмана/разоблачения: “shamelessly violated”, “taking the territory of their neighbor by force”, “and the Kremlin is organizing a shame referendum to try to annex parts of Ukraine”, “this world should see these outrageous acts”, “even more horrifying evidence of Russia's atrocity and war crimes”, “not that should make your blood run cold”, “that's why 141 nations in the General Assembly came together and... to unequivocally condemn Russia's war against Ukraine”, “you cannot seize a nation's territory by force”, “we will stand in solidarity against Russia's aggression period”, “under attack by those who wish to tear it (democracy) down”; арпес-

сивные сравнения “great upheaval”, “brutal, needless”, “a shame referendum”, “extremely significant violation”, “outrageous acts”, “make his true purpose unmistakable”, “horrifying evidence”, “imperial ambitions” [9].

Рассматривая обозначенные примеры, следует отметить следующее. Ни для кого не секрет, что США развязывали и принимали непосредственное и опосредованное участие во многих военно-политических конфликтах в разных точках планеты на протяжении последних 77 лет. Какого-либо серьезного публичного осуждения таких действий мировой правящей элитой никогда не было. Но в 2022 г. все чаще и чаще стали подниматься эти вопросы, и в связи с напряжением в отношениях с Китаем, и в связи с обострением отношений с Россией.

В речевой дискурсии американского лидера на 77-ой ГА ООН можно проследить стратегию блокирования приема нежелательной информации, стратегию отвлечения внимания от действий США в современной военно-политической истории, стратегию переориентации внимания на триггеры текущих событий и попытку максимально экспрессивно передать степень осуждения «современного агрессора» мировым гегемоном, привлечь государства-члены ГА к разоблачению и осуждению действий России на территории Украины.

4. Стереотипизированные идеологические номинативы «образа врага» с целенаправленным воздействием на сознание целевой аудитории: “the whole Russia accountable for the atrocities and war crimes”, “Putin's own words make his true purpose unmistakable”, “Putin claims he had to act because Russia was threatened, but no one threatened Russia and no one other than Russia sought conflict”, “Russia's calling, calling up more soldiers to join the fight and the Kremlin is organizing a shame referendum to try to

Annex parts of Ukraine”, “President Putin has made over nuclear threats against Europe and a reckless disregard for the responsibilities of the non-proliferation regime”, “the whole Russia accountable for the atrocities and war crimes; because if Nations can pursue their Imperial Ambitions without consequences, then we put at risk everything, every institution stands for” в сочетании с усилительной лексикой *very, just, never* [9].

В выступлении Дж. Байдена на ГА ООН 21 сентября 2022 года идеологема “Putin” выступает в качестве идентификатора противоправных действий, «преступных», как считает американский лидер. В данном случае можно говорить о стратегии применения направленной субъектной агрессии, по классификации Е. В. Каблукова, которая выражается в переходе на личности, навешивании ярлыков [2]. Очевидная субъективность и предубежденность политика может указывать на попытку прагматического воздействия на целевую аудиторию, попытку сконцентрировать максимальное внимание на сравнительном сопоставлении того, что делать нельзя, и что делается, попытку заставить поверить, что в истории после Второй мировой войны возник серьезный дисбаланс политических сил, и виновником этого дисбаланса нужно считать лишь одного человека.

Грамматические признаки реализации речевой агрессии президента

Дж. Байден можно проследить на глаголах аффективного воздействия: *invaded, violated, to annex, to avert, to exist, condemn* [9]. Создается впечатление, что

Дж. Байден пытается оправдать свою безапелляционную позицию, пытается убедить представителей Генеральной Ассамблеи ООН в том, что Россия в настоящее время представляет «абсолютное зло»: Россия аннексирует, нарушает, нападает, захватывает. Президент

США поднимает эмоциональный фон, манипулируя сознанием слушателей и призывая остановить и предотвратить «такие действия», «осудить Россию».

Примечательными в этой связи можно считать и синтактико-стилистические повторы в речи Дж. Байдена, имеющие уточняющий, усиливающий агрессию характер, а также создающие эффект нарастания отрицательных эмоций президента США: “that should not... that should make your blood run cold”, “Russia's calling, calling up more soldiers to join the fight”, “members of the U. N. security Council including the United States should consistently uphold and defend the U. N. Charter, and refrain, refrain from the use of the veto except in rare extraordinary situations”, “strengthening Global Health security, feeding the world, feeding the world” [9].

Кроме того, комментируя «поведение России», выражая поддержку Украине и оправдывая свои беспрецедентные высказывания и агрессивную политику, президент США обращается к инверсивным предложениям: “Again, just today, President Putin has made over nuclear threats against Europe”; параллельным конструкциям в функции интенсификации оценки высказывания: “whoever you are, wherever you live, whatever you believe”, “because Russia was threatened,... but no one threatened Russia and no one other than Russia”, “this war is about extinguishing Ukraine's right to exist as a state, plain and simple, and Ukraine's right to exist as a people”, “more than 25 billion dollars today our allies and partners around the world have stepped up as well”, “and today, more than 40 countries represented in here have contributed billions of their own money and equipment to help Ukraine defend itself”, “then we put at risk everything this very institution stands for, everything. Every victory won in the battlefield belongs in the courageous Ukrainian soldiers”, “we

chose Liberty, we chose sovereignty, we chilled, we chose principles to which every party to the United Nations Charter is beholding”, “we will stand in solidarity with Ukraine, we will stand in solidarity against Russia's aggression period” [9]. Очевидны рационально-осознанные формы вербальной агрессии, основанной на идеологических трансформациях исходного смысла, очевидна попытка лидера Соединенных Штатов сохранить свои позиции на мировой арене, обосновать преимущества того миропорядка, который заложили США, и которому следовали все государства ООН до проведения СВО Россией.

В заключение следует отметить, что способы ведения противоборства на современном этапе развития цивилизации стали разнообразными и многочисленными. Кроме непосредственных вооруженных столкновений широкое распространение получают так называемые гибридные и информационные войны. В рамках информационных войн реализуются вбрасывания заведомо ложной или искаженной информации в СМИ и интернет-пространстве, оговарива-

ния и агрессивная риторика. Безусловно, вербальные технологии остаются наиболее эффективными средствами психологического воздействия и ненасильственного управления сознанием людей, что особенно отчетливо прослеживается в текстах политического дискурса. В условиях информационного многообразия в выступлениях политиков применяются манипулятивные методы и техники закладывания нужного материала в сознание людей, отключение так называемых «фильтров», сосредоточение внимания людей на выгодных политикам темах и дискурсах.

Речевая агрессия в речах политиков становится наиболее эффективным механизмом воздействия, поскольку в настоящее время уже нельзя просто делиться информацией, рассуждениями и мыслями, нужно добиваться результата, нужно четко позиционировать концептуальное содержание «свой – чужой». Агрессия, таким образом, выступает в качестве инструмента эволюции, доминирования, адаптации и присвоения жизненно важных ресурсов.

Список источников

1. Григорьева В. С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты: монография. Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2007. 120 с.
2. Каблуков Е. В. Концентрация вербальной агрессии в политическом дискурсе // Журналистика. Молодые исследователи: межвузовский сборник научных работ студентов и аспирантов. СПб, 2006. Вып. 4. С. 42–48.
3. Манойло А. В. Информационная война и новая политическая реальность (II) [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/110> (дата обращения: 31.07.2022).
4. Манойло А. В. Информационные диверсии в конфликте на Украине [Электронный ресурс] // Вестник Московского государственного областного университета. 2022. № 4. URL: https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/1130/1129?locale=ru_RU (дата обращения: 26.10.2022).
5. Наговицын А. Е. Особенности ритмо-фонетической структуры текста: Смысловое наполнение фонетических знаков. М., 2005. 408 с.
6. Сидорова Е. Ю. Вербальная агрессия как коммуникативно-прагматическое явление // Вестник ТГУ. 2009. № 319. С. 28–31.
7. Тиханьчев О. В. Гибридные войны: новое слово в военном искусстве или хорошо забытое старое? // Вопросы безопасности. 2020. № 1. С. 30–43.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М., 2004. 368 с.

9. President Biden's full remarks at UN General Assembly [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=U4ITiV083OI> (дата обращения: 24.10.2022).

10. *Simons G.* Digital Communication Disrupting Hegemonic Power in Global Geopolitics // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 2. P. 108–125.

Информация об авторе

Н. А. Смакотина – старший преподаватель кафедры иностранных языков технических факультетов, Новосибирский государственный технический университет; старший преподаватель кафедры лингвистики и теории перевода, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, tasha_sni@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0135-7346>

Information about the author

N. A. Smakotina – Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages of Technical Faculties, Novosibirsk State Technical University; Senior Lecturer of the Department of Linguistics and Translation Theory, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, tasha_sni@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0135-7346>

Статья поступила в редакцию 02.11.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 16.11.2022.

The article was submitted 02.11.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 16.11.2022.